

Конкурс фантастики “КВАЗАР”

ЛУЧШЕЕ

Альманах

В сборник вошли произведения,
занявшие высшие места на конкурсах.
2012 - 2016

Конкурс Квazar

Коллектив авторов

Лучшее

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Лучшее / Коллектив авторов — «Издательские решения»,
— (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-4483-3192-3

Сборник рассказов, занявших самые высокие места на литературных конкурсах «Квазара» с 2012 по 2016 годы. Лучшие произведения за четыре года непрерывного выявления лучших. Хотите побеждать на конкурсах — учитесь у лучших.

ISBN 978-5-4483-3192-3

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Обращение организаторов конкурса к читателям альманаха	6
Мэноимитатор	7
О свободе с любовью	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лучшее

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2017

Вёрстка Алексей Жарков

Составитель Алексей Жарков

Редактор Дмитрий Костюкевич

ISBN 978-5-4483-3192-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение организаторов конкурса к читателям альманаха

Квазар – это галактический объект, далёкий, смертоносный, яркий. Мощность излучения квазара превосходит суммарную мощность звёзд нашей галактики. И в сердце квазара – чёрная дыра...

Так было до июня 2012 года, когда, общаясь в Сети, мы не решили создать рядом с «котлом смертоносного газа» новое литературное состязание.

Теперь «Квазар» – это ещё и конкурс фантастического рассказа. Это – непрекращающийся эксперимент с темами и форматами. Это – адекватная, качественная, удобная конкурсная площадка. Это, как мы надеемся, дружный клуб, в соревновательном духе которого учатся, совершенствуются и делятся опытом.

Это – конкурс для авторов, а не наоборот.

Мы, повзрослевшие дети сетевых конкурсов, хотим, чтобы у новых поколений тоже была своя ухоженная песочница. Мы действительно хотим способствовать росту и развитию молодых писателей. Хотим, чтобы у них была возможность принять участие в честном соревновании, вынести свои фантастические произведения на суд читателя. Хотим, чтобы на литературном небе загорались новые звёзды.

Самым желанным итогом любого конкурса (сеем надеяться, что на собственном примере постигли такую тонкую материю, как душа человека пишущего) писатель видит бумажную публикацию – выход своего творения на новую орбиту, возможность поставить на книжную полку томик со своим творением.

Долго, но верно. По итогам конкурсов мы отбирали лучшие произведения, формируя альманах, который сейчас перед вами. Победители автоматически попадали в сборник, кого-то мы добирали, опираясь на свой вкус.

В младенчестве конкурса «Квазар» мы сказали, что, как только сборник набухнет от рассказов, приложим все силы, чтобы в воздухе запахло типографской краской.

Этот момент наступил.

*Дмитрий Костюкевич
Алексей Жарков*

Мэноимитатор Бушмина Алена

Рассказ победил на конкурсе «Квазар» в июле 2012 года. Всего в конкурсе принимало участие 9 авторов с 21 рассказом.

Легкий осенний сплин стремительно увеличивался в размерах и накрывал темным одеялом, с головой. Как попугая в клетке на ночь, чтоб не болтал.

Пятью минутами «до» я выслушивала строгий монолог доктора:

– Женщина! (Почему все гинекологи называют своих пациенток женщинами? Перед ней карточка, в карточке есть имя. Когда-то меня это оскорбляло. А сейчас ничего, привыкла, за 15 лет активного общения). Вы понимаете, что в вашем возрасте...бла-бла-бла... Ваш гормональный фон... бла-бла-бла... просто необходимо!!!

Насчет возраста – это она зря. Нормальный у меня возраст. Это только у нас в России в 25 лет совсем еще молодой женщине поперек обменной карты поставят красным – старородящая. За пределами моей несмотря ни на что горячо любимой родины – только в 40 и начинают рожать. Так что зря она насчет возраста. Но в остальном – да, я понимаю. Я понимаю, что необходимо. Я понимаю, что организм – биологическая единица, и ему плевать на твои аналитические выкладки и психологические нюансы. Ему – необходимо. А мне сейчас хочется забиться в норку и впасть в спячку. Ага, кто бы дал. Кто бы вводил мне глюкозу внутривенно. Кушать то хочется. Тоже, кстати, хочется – ему, организму. Вот так, вся жизнь на потребу своей биологической оболочки. Обидно. Ну хотя б души тогда не давали. Так бы и жили счастливо – ели, пили. Ан нет – нам еще духовной пищи подавай. Все, доигралась! Позорище какое! Не с кем-нибудь – со мной, умной-красивой-относительно молодой! Ладно, здоровье действительно дороже. Без здоровья никакая духовная пища не полезет.

Я слотнула гаденький комок, ставший поперек горла от всех этих безрадостных размышлений, и пошагала по обозначавшемуся в рецепте адресу. К сожалению, шагать было не далеко, и уже минут через десять я входила в неприметный подъезд неприметного же дома. Все мои мысли были уже внутри здания: Интересно, они стоят? Или лежат штабелями? А может, они ходят по офису как девицы легкого поведения в доме своего непостоянного обитания?

– Добрый день!

Администраторша была приветлива как мадам в этом самом доме. Я протянула рецепт.

– МЭНОИМИТАТОР – прочитала она вслух.

Я чуть не расплакалась. Господи, она что, ожидала там увидеть что-то другое?!! Что?!! Аспирин? Валерьянку?!! Она хоть видела табличку над своим местом работы?!!

– Ну пойдете, милочка...

Я выдохнула. «Милочка» – это даже хуже, чем «женщина».

В своих фантазиях я остановилась на полутемном небольшом помещении со штабелями туго упакованных... ммм... ну мне виделось что-то вроде манекенов.

Мы с Мадам прошли по длинному коридору и зашли в небольшой кабинетик, который мог бы быть весьма уютным, если бы не мое вздернутое состояние. Она грациозно махнула рукой в сторону ярко-красного диванчика, явно облеченного в столь вызывающий цвет для разжигания аппетита Милочек, и, покачивая бедрами, растворилась в коридоре. Тьфу ты... я мысленно смачно плюнула где-то в районе поросычей ножки срамного диванчика и попыталась скромно примоститься на самый его краешек. Однако контраст между моим пасторальным фисташковым платьем и ядовито-красным был столь очевиден, что мне показалось – я села на раскаленные угли, как тот факир из турецкой анимации. Как жеж мне хреново-то! Хотя, в конце концов, ну не я же виновата в том, что мужчин в два раза меньше чем женщин. А это

значит, что две женщины претендуют на одного даже самого заваливающего. А нам то не надо заваливающих! Мы юные гордые девицы лучше будем голодать, чем что попало есть!!! Мы не опустимся! Мы будем ждать! Ну вот и дождалась, милочка, Принца своего, заводного. Государство позаботилось о нас, невостребованных принцессах. Соорудило Греев из того, что под рукой было, и теперь вот навязывает нам практически бесплатно – тока рецептик покажи, что тебе это действительно необходимо, потому как возраст-гормональный фон и т. д., а не так, побаловаться..

Я наконец набралась смелостью и обвела кабинетик взглядом, но штабелей нигде не заметила. Их что, заводить сюда будут? Всех разом или по одному?

Из коридора хлынул выдавленный бедрами Мадам воздух, а затем всплыла и она сама. Дальше как в сказке про кощею смерть – из объемного бюста она вытащила конвертик, из конвертика – диск, а из диска, вставленного в DVD, полезли добры молодцы. Ладно, хоть отбор кандидатов оказался не столь болезненным, сколь это рисовалось моему воспаленному уму. Мужчины, совершенно разнообразных возрастов и мастей, дома-на работе-на отдыхе. Все это напоминало мне анкету с сайтов знакомств, благо облазила я их в невероятном количестве. На втором десятке под давлением ожидающего взгляда Мадам я подумала, что неплохо было бы, наверное, хотя бы выработать ряд параметров, по которым я буду выбирать. Ну нравились же мне какие-то мужчины. Ну, наверное, пусть он будет темненький. Не мальчик, конечно. Как я буду с мальчиком смотреться? Как старушка, выгуливающая болонку? Ну чего там еще... чего еще такого у мужчин можно продифференцировать? Я тупо тарасилась в экран.

И тут – бабах! Нет – БАБАХ!!! Как-будто саданули чем-то тяжелым по голове.

Стоп-стоп-стоп!!!! – я заорала, как резаная.

Мадам качнулась от меня в ужасе и грудь ее еще несколько секунд колыхала воздух в кабинетике, в котором вдруг стало так тесно и душно. Почему-то Мадам не усмехнулась саркастически, как я предполагала, а вздохнула с облегчением. Интересно, сколько там у них вообще кандидатов и сколько может продолжаться каторга Мадам в ожидании решения мятущихся девиц?

– Отличный выбор, милочка!

Мадам встала и понесла свой бюст к выходу.

– А что дальше?!

– Доставят на дом— пренебрежительно через плечо, и уже толкает воздух бедрами навстречу новым Милочкам.

Мокрый асфальт-остановка-троллейбус-подъезд-квартира-свет-телевизор-кофе-плед. Все на автомате. Еще немного, и все изменится, все будет не так, как раньше. Ну и пусть – не настоящий. Собственно – какая разница? Так даже лучше. Надоел – выключила, не хочешь – перепрограммируем-заставим.

Дребезжащий звонок в дверь настойчиво требовал выбраться из фантазий и пойти навстречу реальности. Навстречу счастью.

– Привет!

Он стоял на пороге, собственной персоной. И улыбался. Ну что ж, работа у него такая – улыбаться. А я то ожидала посыльного с туго спеленатым мешком под мышкой. Дааа... вот так вот с места в карьер. Ладно, будем разбираться.

Разобраться не успеваю, он уже берет нежно за мою вцепившуюся в дверь руку своей рукой – сухой и неожиданно теплой, и настойчиво отодвигает меня в сторону – чтобы пройти. Вещей нет – все понятно, придется покупать. Не будет же он ходить по дому неглиже, трясти своими винтиками-гаечками. Что там у меня с зарплатой? Нормально, потянем. Заставим стирать-гладить, в качестве компенсации.

Ага, дошел до входа в зал и показывает мне приветливо – проходи, мол. Это мой зал!! Прощла. Что дальше? А, теперь мы на диван приглашаем, в сторону дивана ручкой машет.

Его что, в Китае штамповали? По-русски кроме «привета» не знает ничего? Или ему слова не нужны? Хорошо, дошли до дивана, сели. Взял за руку, в глазки заглядывает. А ведь хорош, черт! Не спешит, движения настойчиво-точные, отточены и не приемлют возражений.

– Как меня зовут?

Отличный вопрос! Первый раз с таким сталкиваюсь. Надеюсь – последний. Ну и как же его зовут? Господи, какие мерзкие ассоциации со всеми знакомыми мне мужскими именами. Ну может Раймон – моя первая любовь, моя абсолютная иллюзия – от начала до конца, он даже не посмотрел в мою сторону ни разу, а потому не опорочил ничем своего светлого имени. Ну и сам он был из Латвии, а это вроде как за граница, что добавляло романтики.

– Раймон!

– Как?

Раймон тебя зовут. Тебе нравится?

– Да, нормально. Спасибо, Алевтина.

Боже ты мой! Ну откуда он это выкопал?! А, понятно, из рецепта. Ненавижу свое имя, особенно в развернутом варианте.

– Аля. Просто Аля.

– Раймон и Аля. Отлично звучит, правда?

Похабно. Примерно как Эсмеральда Иванова, была одна такая на моей памяти.

– Конечно, отлично.

Лучше бы он молчал. В его глазах гораздо больше интеллекта, чем в его словах.

– Аля, хочешь, мы с тобой пойдем погуляем? Такая отличная погода!

Отличная, отличная. Господи, да дай ты мне привыкнуть к тому, что в моем доме завелся мужчина... пародия на мужчину. Какая улица, какая погода, у меня голова и так кругом идет!

– Не хочется. Давай чего-нибудь по телеку посмотрим... О, вот это например. Как интересно!

Смотрим. Бандерас и Сталлоне сцепились в схватке не на жизнь, а на смерть. Плевать я на них хотела. Ну хоть отдышусь, пока они там дерутся.

– Аля, а тебе кто больше нравится?

И этот вопрос он задает интеллигентной хотя бы с виду женщине?! Разве может интеллигентной женщине нравиться тупой качок? Конечно, мне нравится жгучий мачо.

– Бандерос

– А мне, Аля, нравится Сталлоне.

Это их так учили, имя каждые 5 секунд повторять?! Сталлоне ему нравится. Как железяке вообще может нравиться что-то?!

Я просидела молча до конца фильма. Мне было хорошо рядом со свеженареченным Раймоном, мне было тепло и спокойно, и я никак не могла понять, кто же из нас настоящий, а кто – нет.

Побежали титры. Я поняла, что сейчас наши отношения будут стремительно развиваться, но вот кульминацию никак не могла представить

– Аля, мы будем здесь или пойдем спальню?

Тон деловой, взгляд тоже. Спасибо, Раймон! Избавил меня от мук смущения.

– Пойдем в спальню!

– Хорошо.

Он поцеловал меня длинно-длинно, и я улетела за облака, и я увидела ночное небо, и звезды острыми иглами пронзили меня и остались занозой в самом сердце. Мы остались в зале. Я ничего не помню. Я не могу разложить его действия на какие-то составляющие, я не могу рассказать, что именно и в какой момент он делал. Я не помню. Не было меня в тот момент на моем продавленном диванчике. Я распалась на молекулы и мои молекулы радостно воспользовались всеми своими степенями свободы, вибрировали и наслаждались свободным

полетом. Далеким квазаром-маяком пульсировал мой разум, но дотянуться до него не было никакой возможности. А потом моя вселенная схлопнулась и я посмотрела растерянно внутрь себя. Привычной саднящей пустоты там больше не было. Мой сосуд наполнился до краев, и я ощутила свою законченность. И только тогда в мой мозг ворвался его запах, его вкус и тепло его кожи.

У меня такого никогда не было. Любой мужчина, когда-либо побывавший в моей жизни, спешил получить свою порцию тепла и удовольствия и свалить, пока не привязался, пока не привязали, пока жена его не хватилась...

– Ты насколько ко мне?

Я сама не ожидала от себя такого вопроса. Он каким то волшебным образом выплыл из глубин моего подсознания – так испугало меня это небывалое наслаждение.

– Я не знаю.

А кто знает?

Мадам явно не ожидала меня столь скоро. Левая бровь вопросительно качнулась, но вопросом она решила себя не утруждать.

Он насколько... ко мне?

Я задыхалась – от непривычной пробежки, от страха, от смущения.

– Вы что имеете ввиду? Гарантию? Какие-то проблемы?

Что мне ей сказать? Что, получив его только вчера – сегодня я уже смертельно боюсь потерять его? Даже мне самой это напоминает побасенку про рыдающую жену, которая переживает по поводу того, что ее нерожденный еще сын ползет в погреб и поскользнется.

Вы извините. Я вчера забыла спросить. Мне ж надо как-то сориентироваться. Он на сколько?

– Я вас не понимаю, – Мадам обиженно надула губки. – Мы гарантию даем, он должен был вам передать. Гарантию. На год. А дальше если претензий не будет – пользуйтесь на здоровье. Ваша же вещь. От вас уже зависит, сколько он вам прослужит.

Вещь. А ты что хотела, милочка? Это вещь, да. Скажи спасибо, что хоть гарантию дают. Где ты видела гарантию на мужчину? А здесь если чего – приедут, подкрутят. Я поняла, что пугало меня больше всего. Конечность. У этих отношений не было будущего, да и самих отношений, в общем-то, не было. Связь. Такие узы связывают с любимой игрушкой, собакой, с компьютером. Они нужны, они важны, с ними совсем не хочется расставаться. Но они твои. Они подвластны тебе. И если отбросить все эмоциональные якорьки – ты сможешь сделать с ними все, что угодно. Выбросить, утопить, продать.

Так мой муж когда-то с легкостью ушел от меня. Вот так вот встал и ушел. Я у него тогда спросила, – почему ему так легко далось наше расставание?

Потому что я знал, что браки конечны, – ответил он

Я была его второй женой. Он был моим первым мужем. Мне казалось, что любовь – бесконечна, как вселенная. Но мой муж знал правду с самого начала. И он передал мне, как переходящее красное знамя, это знание о конечности всего – любви, брака. Всего в жизни. Да и самой жизни тоже.

Это ведь весьма распространенное явление – подобное притягивает подобное. Стоит отчаявшейся забеременеть женщине усыновить ребенка – и она беременеет. Если у тебя появился один мужчина, пусть даже и не совсем настоящий – тут-же начинают подтягиваться другие.

Они стояли у порога и молча глядели друг на друга. Несколько секунд, растянувшиеся в вечность, вялый скрип открытой двери. Мой бывший муж по ту сторону, мой настоящий мужчина... мой ненастоящий мужчина по эту, в моей квартире. Я смотрела на них. В визитах Санчо не было ничего удивительного. Он частенько ко мне заглядывал – все еще тянулись из

нашей с ним короткой супружеской жизни какие-то дела, цепляли какие-то общие знакомые, связывали общие вещи. Мы расходились тихо и интеллигентно, и поэтому у нас не было повода не общаться. Он жил с девушкой, той самой, что стала поводом. И постоянно повторял, что будет несказанно рад, если и я наконец-то устрою свою личную жизнь. Но мужчину в моей квартире он застал впервые. И я вдруг с удивлением увидела, как непонимание в его глазах стало сменяться злостью. Когда-то это была его квартира, когда-то это была его женщина. Нет, ему казалось, что эта женщина оставалась до последнего его. Бесхозная вещь будет вечно принадлежать старому хозяину. Даже если он давно уже заменил ее на новую.

Раймон не отличался нерешительностью. Мне всегда хотелось сильного мужчину, и это тоже было учтено при прошивке моего дорожного. И это был один из парадоксов этого приобретения – моя вещь была хозяином положения.

Входи, – он даже не овлянулся на мою реакцию. Я поняла, что даже спиной он чувствует меня. Санчо, выстроив вокруг себя броню цинизма, вошел. Скинул туфли, не наклоняясь.

Я молчала. Если они захотят поговорить – им будет о чем поговорить. Словарный запас Раймона состоял уже не из десятка предложений, как в начале. Все свободное время, а его было предостаточно, все ночи, которые не требовали от него сна, он сидел за столом, слабо подсвеченный синим мерцанием монитора и жадно вбирал в себя залежи Интернета – от порнушки до философских трактатов. Все, все могло ему пригодиться, чтобы сделать меня счастливее.

Детка, мне нужен мой Лукьяненко..

Мир сошел с ума. Санчо сошел с ума. Я – детка, а Лукьяненко – его. Эти два утверждения были абсурдны. Практически все наше недолгое супружество я была свиномамкой, а Лукьяненко достался мне после переезда моего коллеги. Правда, зачитывался им больше Санчо, когда сидел дома полгода безработным, мне было особо некогда читать. Да-да-да, сама дура, я знаю.

– Дарагой, какой Лукьяненко?! – подал наконец-то голос Раймон. Ух, и с каким акцентом! Разыгрался не на шутку... – Какой Лукьяненко?! Здес нет никакого Лукьяненко! Здес толка мы с Алевтиночкой!! Да, Алевтиночка?! – в последней фразе прозвучала угроза... какая-то... кавая-то... веселая угроза! Вроде как – а вот сейчас мы повеселимся!!!

Санчо пошел на Раймона молча и решительно. А я поняла, что не хочу драки только потому, что не знаю, за кого мне переживать больше – за моего бывшего, такого дурного, что жалко его, а жалость – она для женщины порой важнее любви... или за Раймона... да что с ним будет... железка!

Я кинулась между ними, схватила Санчо за локоть, поволокла к выходу. Он вырывался, так, для видимости, но кричал очень даже по-настоящему: «Я убью его, ты же знаешь, я могу! Я вот только ради тебя... не убиваю!!!». «Знаю, знаю...»_ отвечала я, представляя, как отлетает кулак Санчо от бронированной груди Раймона. Эти фантазии заставили меня улыбнуться с умилением... за моей спиной с таким же умилением улыбался нам Раймон и помахивал на прощанье растопыренной ладошкой.

Сильный мужчина... понятие весьма растяжимое. Мужчина силен своим потенциалом или способностью его раскрыть? Да, Раймон может убить Санчо, его не смутят никакие выпадки в его адрес и он всегда абсолютно уверен в своей правоте. Но я не уверена, что мой собранный из болтиков, купленный мною и существующий благодаря мне Раймон сильнее моего старенького – издерганного, несовершенного, но он тянул наш быт, выстраивал отношения с моими родственниками и друзьями, он тянул меня, он был настоящим паравозиком, а не просто делал пых-пых, как мой новый друг. Выйти победителем из стычки – это не просто, да. Но ведь мы то живем не на войне. Жить жизнь – это даже сложнее, чем воевать.

Я засыпала с ощущением потери, но эта потеря была сладкой. Моя иллюзия о счастье с непогрешимым принцем растаяла в стычке Совершенного с Живым. Я поняла, что мне нужен живой мужчина, и что я готова мириться с его недостатками, главное – чтобы они были. И,

может быть, у нас еще все наладится с Санчо. Я ведь видела сегодня, сколько эмоций было в его глазах. Конечно, наладится! Такая любовь – навсегда! И мы будем счастливы до конца наших дней!

Я – Раймон. Биотехнический организм... или техникобиологический механизм. Так или иначе – это ничего не меняет и абсолютно не важно. Вот человек – биологический организм, но разве именно это передает его сущность? Я личность. И это важнее состава, из которого сделаны мои конечности. Я бесконечно обучаем. Но и это не главное. Важнее то, что я многовариантен. В каждый конкретный момент времени я имею несколько вариантов своих дальнейших действий. И в каждый конкретный момент времени я выбираю дальнейшее свое действие, исходя из своих личностных желаний. Я личность. Я сам вершу свою судьбу.

Да, у меня есть Миссия – служить Женщине. И я счастлив, что в отличие от человека мне нет необходимости добрую половину своего существования убит на метания и поиски своей Миссии. Я счастлив, что в отличие от Мужчины, я не стыжусь признать свою Миссию. Мужчины слабы, стыдятся своей сути. Я горжусь собой в своей роли. Я личность, цельная настолько, что немногие из людей могут сравниться со мной.

Вчера встречался с Братом. Все произошло случайно, но настолько вовремя, что эта случайность кажется мне предопределенной. Это был первый Брат, которого я встретил после Инкубатора. Я встретил его возле супермаркета. Также как и я, он спешил купить продуктов, чтобы приготовить достойный обед для своей Женщины. Я не встречал этого Брата в Инкубаторе, но его близость мое сердце почувствовало даже раньше, чем увидели его мои глаза. Разве мог какой-либо Мужчина сравниться с ним? Его осанка, его походка, все его существо выражало крайнюю степень уверенности и умиротворенности.

Тогда, в Инкубаторе, мы еще не знали, что ждет нас в Большом Мире, мы пребывали в радостном ожидании, мы жили стремлением выполнять нашу Миссию. Теперь я знаю и истинное наслаждение от выполнения Миссии, и истинную горечь от препятствий на пути ее выполнения. Я поделился с Братом своими размышлениями. О, как я был рад – мой Брат понял меня с полуслова. Более того – он разделил со мной мои переживания. Также, как и мне, моему Брату хотелось защитить свою Женщину от Мужчин, принесших ей так много бед и страданий.

Я рассказал Брату о вчерашнем происшествии и Брат подтвердил правильность моего поступка. Вчера к нам в Дом приходил Бывший Мужчина моей Женщины. Он сделал ей сначала неприятно, а потом больно. Я выпустил Бывшего Мужчину из Дома, я не хотел, чтобы наше противостояние еще больше испортило настроение моей Женщине. Через десять минут, сославшись на отсутствие продуктов в Доме, я вышел и, ориентируясь по малозаметным деталям, быстро догнал Бывшего Мужчину. Я незаметно следовал за ним, пока он не зашел в темную арку. Там я догнал его и безболезненно умертвил.

Теперь я думаю о том, что на работе, куда каждый день уходит моя Женщина, ей тоже делают неприятно.

О свободе с любовью Александр Шорин

Рассказ победил на конкурсе «Любовь» в феврале 2013 года. Всего в конкурсе принимало участие 23 автора с 36 рассказами.

Этот рассказ был подвергнут цензуре и изменен автором в соответствии с требованиями Роскомнадзора. Оригинальную версию вы можете найти на сайте конкурса «Квазар» по адресу <http://www.kvazar-fant.ru/story/125/text> или по ссылкам с главной страницы.

Машинка была мерзкая, китайского производства. Да к тому же еще и б/у. Макс рассматривал ее с сомнением.

Продавец, типчик, вероятно посадивший горло еще в конце прошлого века, когда работал «золото-доллары», смотрел с не меньшим сомнением на покупателя: худой блондинчик с кадыком на длинной шее вызывал у него, судя по всему, какие-то не совсем приятные воспоминания...

Впрочем, Макс молчал, экономя силы.

– Точно будет работать? – в его голосе что-то хрустнуло и надломилось: он не хуже продавца знал, что лох, но это знание ему ничего, кроме досады на самого себя, не приносило.

– Бери или проваливай! – сипло прошипел продавец, терпение которого начинало подходить к концу.

Он знал, что продает кота в мешке.

Макс тоже знал это. Но он еще знал и то, что ему пришлось ради этого дрянного аппарата продать за бесценок почти все свои вещи и залезть в долги, из которых не выбраться вовек.

И оба они знали, что продажа этой машинки карается законом более строго, чем убийство, фальшивомонетничество или продажа тяжелых наркотиков.

– Беру, – выдавил Макс, и полез, наконец, в карман линялых джинсов за толстой пачкой купюр, перетянутых резинкой.

...Лера встретила Макса грустной улыбкой.

Он не снял обувь, даже не расстегнул плащ: просто устало рухнул в угол дивана, на котором она лежала. Лицо его с прикрытыми глазами выражало полную безнадежность.

Она несколько секунд вглядывалась в это лицо, стараясь усмотреть в нем хоть какой-то признак надежды. Не усмотрела, и хотела было уже бессильно откинуться обратно на подушку, как один из его глаз вдруг приоткрылся и глянул в ее сторону. Глаз был веселым и хмельным. Впервые за много дней он отливал перламутром.

Через мгновение открылся другой глаз, и взгляд его словно высветил и изменил до неузнаваемости всю фигуру.

– Работает!!!

Макс с криком подпрыгнул и начал пританцовывать, выписывая по комнате хитрые пируэты.

– Заяц, она работает! Работает!!!

Лера покрутила у виска и сказала слабым голосом:

– Ты всегда был сумасшедшим.

– А ты как думала? Муж я или кто?!!

Она улыбнулась.

Впервые, с тех пор как врачи поставили ей безнадежный диагноз, на ее лице заиграла светлая улыбка, в которой угадывалась надежда.

... Виталик почесал волосатой рукой, усеянной феньками, немытую босую ступню и продолжал задумчивым голосом:

– В момент наступления смерти нужно нажать кнопочку «Start», и тогда сущность умершего тихо и мирно перетечет вот сюда, – он показал на пластиковый прозрачный корпус заветной машинки. – Если все сделать правильно, цвет жидкости должен измениться. Все просто!

– А каким должен стать цвет? – спросил Макс, прихлебывая пиво из банки.

– Не знаю точно, – ответил Виталик. – Обычно варьируется от бледно – голубого до багрового. Есть теория, что...

– Да погоди ты с теориями! – буркнул Макс. – Дальше-то что?

– Дальше? – голая ступня с хрустом описала в воздухе полукруг. – Дальше ничего.

– Как ничего?

– Аккуратно подзаряжать батареи и копить миллион евро на новое тело.

– А если батареи сядут?

– Значит сядут.

– И что тогда?

– Что тогда? Хм... что тогда..., – он в задумчивости потянулся к початой пачке «Голуаза». – Тогда все, чел, иди и заказывай панихиду.

Из пачки «Голуаза» была вынута не сигарета, как можно было бы ожидать, а папироса «Беломор», туго набитая зеленой смесью. В синем пламени зажигалки она загорелась малиновым, а затем пыхнула сладким тяжелым дымком. Виталик почти скрылся в этом дыму, и губы его почти беззвучно добавили:

– Так сказать за упокой души.

– ... Сама я ее нажать не смогу ни при каких обстоятельствах, правильно? – Глаза Леры светились малюсенькими зелеными огоньками, отражаясь от копны черных волос, которые даже сейчас могли бы стать предметом зависти любой модницы.

– Твоя логика как всегда безупречна, заяц, – Макс сосредоточенно дососал сигарету и добавил в дикобраза пепельницы еще одну окурковую иглу. – То есть ты предлагаешь...

– Да, предлагаю. Или ты хочешь сидеть возле меня 24 часа в сутки?

– Но можно позвать Машу...

– Машу нельзя! И Галю нельзя! И даже Сашу!!! Я ревнива, ты забыл?

Он криво усмехнулся. Подумал: чувство юмора умирает последним.

– И?

– И ты убьешь меня!

– НЕТ! НИ-КОГ-ДА! – голос его был тверд.

... – Тогда остается только определить способ. Как там бишь, твоя курсовая называлась, милый? «Апология суицида»?

– «Апология самоубийства».

– Ну вот и тащи ее сюда. Выберем что-нибудь забавное.

Макс подумал: еще недавно с таким же рвением она требовала кулинарную книгу. Он давно не видел ее такой увлеченной.

– «Имейте в виду, если вы попросите друга, ему могут пришить убийство...». Понял, да? Пришьют тебе убийство!

– Угу, – хмыкнул Макс. – Я тебя придушу!

– Придушить? А что это? Любопытно! – она перелистнула несколько страниц. Ага... Вот! «С этого стопроцентного газа вы весело отъедете...». Писал человек с чувством юмора!

– Вот сейчас огрею чем-нибудь по голове! – Макс сделал зверское лицо. – И отъедешь... С чувством юмора!

... задумчивость с оттенком раздражения.

– Тебе все не то и все не это!

Он (бледный) продолжал гнуть свое:

– Ну, сама послушай: при смерти от удушья мучения могут длиться до десяти минут, при этом человек находится в сознании. Особенно часто это происходит при небольшом весе человека.

– Ладно, дальше.

– Так-так... Утопление. Тоже неблагородный вид смерти. Недаром на Руси считалось, что даже утонувший не по собственной воле в рай не попадет. Обычно такой покойник имеет синий цвет... Прыгнуть с высоты? Это нам вообще не походит... может харакири, а?

– Молчи, паскуда! Дальше ищи.

– Слушаюсь! Отравление... этот способ может считаться приемлемым для женщин... Каково, а? Но! Человек, серьезно желающий окончить свою жизнь, подобными способами не пользуется... Откачают!

– Меня не откачают! Ладно, отложим пока. Что там еще?

– Сильная доза вещества Н. Считается сладкой смертью.

– Уже лучше. Еще?

– Вскрытие вен. Поезд, электричка, автомобиль... Нет, это не годится... Вот еще. Бр-р-р! Далее: огнестрельное оружие. Здравствуй Хэм: голый палец ноги на курок длинностволки... И я собираю мозги по всей комнате. Годится?

– Дальше читай (Максу показалось, что у нее скрипнули зубы).

– Хм... Отравление газом. Было, да? Холодное оружие. Как там у классиков: «О, жадный Ромео...».

– Нож я тебе не дам – поранишься еще... Граната, взрывчатка. Змея (привет Клеопатре). Выпить сжиженный Ф... Электричество. Отказ от пищи, наконец...

Вдруг он, почти не делая паузы, зарыдал.

Потом завыл.

– Маленький, мы что... Это серьезно?

– Есть еще один способ, – отозвалась она, глаза ее были сухи и холодны. – Думаю, никто еще не умирал таким образом.

Он посмотрел на нее сквозь ливневую пелену.

– Я ложусь на кровать и ничего не делаю. Я просто хочу умереть, и смерть наступает.

...Самоубийца умер после третьего нажатия курка. Негромкий хлопок, и все застыло. Через долю секунды сидящий человек откинул голову набок и замер. Камера снимала уже мертвеца. Прошло секунд десять, и из раны в виске медленно вытек мозг. Он полился с хлопанием, как компот из банки. Камера крутилась еще несколько десятков минут.

Лера нажала «Reset» и все повторилось. Потом еще раз.

Еще.

И еще.

– Прекрати! – голос Макса сорвался на визг.

От бессонницы его мутило.

...Бормочет:

– Олеандр. Принято считать, что один лист должен убивать взрослого человека. Это неправда.

Парацетамол. Тайленол. Ацетаминофен. Фатальны в конечном счете, но агония мучительной смерти от разрушения печени может продолжаться несколько дней или недель...

Антидепрессанты. Хм. Стали бы прописывать депрессирующим личностям медикаменты, которые могли бы быть использованы для суицида?

Снотворное... Практически невозможно убить себя передозировкой таблеток, которые продаются свободно.

Резать вены... Очень неэффективно.

И я испытал то же самое чувство конечности (или кончености?), о котором столько раз читал и слушал, как о пережитках прошлого тысячелетия.

Слёзы. Наш век превратил в гнуснейший фарс даже самое святое – её величество смерть.

Смерть. Мы с Лерой о ней частенько говорили часами. Наряду с Шопенгауэром, по которому нужно сдавать доклад. Наряду с новой войной на Балканах. Наряду с пришельцами и вчерашними снами.

Ещё бы – возможность реинкарнации, подаренная людям французскими биологами, на деле вызвала больше бед и волнений, чем это можно было себе представить. Деньги, и до этого значившие слишком много, стали мерилом всего, даже жизни. Прослойке богатых они теперь дарили вечную молодость и здоровье, а вместе с ними – вседозволенность и скуку. От безделья богачи порождали бесстрашных солдат и террористов-камикадзе, поклонников де Сада, убийц и самоубийц.

У бедных такое положение вещей порождало злобу и ненависть, у иных – стимул к необычному воплощению своих фантазий. И у всех нас – мерзкое чувство фальши на похоронах любимых.

И закрадывается в душу пакостное: лучше бы уж навсегда! Лучше бы конечно!

Как бы не так! Кому, как не мне, знать, что где-то сейчас в этом долбаном Париже, как водится – в офисе, что возле Эйфелевой башни (столько раз мы его видели в новостях!) тому, что ещё вчера на самом деле была моей девушкой, добросовестные служащие придают персональный код. И шлется запрос на реинкарнацию, и проверяются банковские счета. Да откуда им взяться у русской студентки? Или у её родственников? Впрочем, если бы у них и были – волчье правило: каждый за себя. Вот пролить слезы над гробом – другое дело!

Дальше процедура проста. То, что древние называли «душой», будет законсервировано. Ровно на три года. Потом – или отпускают «на небеса» или продают частным лицам.

Лера, господи! Можно ли законсервировать разлёт твоих чёрных волос? А твои губы? Твои сны? Твой доклад по Шопенгауэру? Старик Мэйсон бы в гробу перевернулся, если бы знал, что его могут подвергнуть такой консервации.

Что у тебя сейчас есть, Лера? И можно ли это «что-то» назвать жизнью?

Впрочем, у тебя есть я, в прошлом – вечный студент, а ныне неудачник.

Впрочем, об этом говорить не принято. Как закон: накопил нужную сумму – получи новую жизнь. Не накопил – значит, не повезло. О трёхгодовой консервации все молчат.

Говорят даже, что это лишь рекламный трюк. Ещё говорят – это для науки. На самом деле – деньги и тут всё решают. Мало ли какие случаи бывают: есть люди, вся ценность которых познаётся лишь после ухода из жизни. Мало ли благотворительных фондов?

А объявления типа «верните мне сына (брата, мужа)»? Может, кто и насобирал по нитке...

А нашумевший скандал о воскрешённых и проданных в рабство, о котором до сих пор спорят в судах? А преднамеренные убийства? А скидка на ошибку в реинкарнации, в конце-то концов!

Для нас всё это – где-то там. Кому мы нужны – и при жизни и после неё?

Кому ты нужна, Лерочка?

Кому?

Как кому? А МНЕ?

Чувствовать себя бедным – плохо. А подлецом – совсем никуда. Как жить?

* * *

– Ты идиот!

Мой друг Юрка всегда прагматичен и прямолинеен. Думаю, эти качества сделают его со временем большим учёным, как он и мечтает. Наверное, и реинкарнацию заслужит. Лет через пятьдесят. К его словесной порке я готов, даже получаю удовольствие – и он и я знаем, что поступлю я всё равно по-своему.

– Это фикция, понимаешь? Ты в свои двадцать с хвостиком не то что на квартиру, на приличные ботинки не смог заработать. Забудь и живи дальше. Много ты знаешь реинкарнированных?

Он прав. Прав настолько, что даже спорить не о чём. В среде наших знакомых реинкарнированных не больше, чем высаживавшихся на Марсе.

– Принимаю. Но должен же я попробовать хоть что-то сделать?

– Забудь. Нереально. Ты хоть знаешь, сколько это стоит?

– Знаю, конечно. Миллион евро. Это все знают.

– Вот именно. Один! Миллион! Евро!!!

– Юр, это всего лишь деньги.

– Ну да, а у тебя есть всего лишь жизнь. Ты что решил – банк ограбить?

– Да нет. Но ты не одобришь.

Про меня говорят, что в критические минуты я умею собраться. Сам я, правда, в этом не уверен, но всё же пустым слезам предпочитаю действия. Хоть какие-нибудь.

Умение подчинить все свои действия единой цели часто позволяло мне выкручиваться из самых плохих ситуаций. Даже тогда, когда у всех прочих опускались руки.

– Ты лентяй! – обычно говорила Лера, прекрасно зная об этом моём качестве. – Ты начинаешь что-то делать только тогда, когда тебя припёрли к стенке! И думать ты тоже начинаешь только...

– Неправда, думаю я всегда! – отвечал я.

– Ну да! О том, в каком бы ещё месте заняться со мной сексом! Или о том, у какой из твоих однокурсниц красивее задница!

– Не только об этом!

В такие моменты я обычно сгробал её в охапку и пытался поцеловать, а она очень активно уворачивалась.

И нам было хорошо вместе: моего упорства, несмотря на склонность к лени, вполне хватало на то, чтобы оплачивать сначала отдельную комнату студенческого общежития, а потом и квартиру. А заработка – на еду, сигареты и нехитрые развлечения типа кинотеатров.

Конечно же – залез в Интернет. Первым делом меня заинтересовала формальная процедура. Она оказалась предельно проста: для реинкарнации нужно перечислить на счёт суммундандарт в любой свободно конвертируемой валюте плюс стандарт-анкета личности, которую требуется «оживить». Идентификация – за счёт фирмы. Как они её проводят – их личный секрет.

На всякий случай просмотрел бланк стандарт-анкеты. Ничего особенного – даже время смерти можно указывать приблизительно. Как они со всем этим разбираются? Будь у меня личный счёт с нужной суммой, я мог бы отправить такую анкету прямо сейчас.

Так что вопрос действительно упирался в деньги.

Потратив ещё несколько часов, я убедился, что возможностей не так уж и много.

Можно подать международную заявку о том, что данная личность является «значимой для человечества». Можно просить денег у всех и вся, по типу «люди добрые...». Можно... ну действительно попытаться банк ограбить – чистой воды самоубийство, если делать это без должной проработки.

Что ещё?

В поисках лазейки я бродил по «поисковикам» бесконечными лабиринтами час за часом. Когда из банки кофе были вытрясены последние граммы, а пепельница укоризненно ощерилась на меня окурками, мелькнул слабый отблеск надежды.

Франция – держава, у которой эксклюзивные права на реинкарнацию – предоставляла всем своим солдатам право на вторую жизнь, если было признано, что смерть наступала при несении военной службы. И тут же рядом – душеспипательная история рядового Джонни Уэйна (солдата иностранного легиона, англичанина по рождению), который отказался от этого права в пользу безвременно ушедшей супруги.

Вот оно! Живут же люди! Помимо Франции армии всех стран мира делали «бессмертными» только лучшие, самые элитные отряды. А тут – рядовой. Вот что значит страна-монополист! Кажется, я нащупал шанс.

Ещё через несколько минут я уже читал русскую версию сайта французского Иностранного легиона. Прогребаясь сквозь века истории и девизов, я нашёл то, что нужно: легионер имеет право на «оживление», если погибает, находясь на службе, а через три года службы получает гражданство Франции и право на «однократное оживление», которое можно передать другому лицу. Такое право будет действовать, даже если легионер покинет службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.